

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ М. Ф. ОРЛОВА

ДВА ПРИКАЗА М. Ф. ОРЛОВА ПО 16-й ДИВИЗИИ (1820—1821)

Публикация С. С. Волка и П. В. Виноградова

В литературном наследии декабристов военная тема представлена довольно широко. Достаточно вспомнить такие значительные по своим художественным и научным достоинствам произведения, как «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова» и другие статьи Н. М. Муравьева, «Мысли о теории военных знаний» И. Г. Бурцова, записка В. Ф. Раевского «О солдате», а также два приказа по 16-й дивизии М. Ф. Орлова.

К сожалению, военные приказы офицеров-декабристов почти не опубликованы. Между тем поиски их в архивах могли бы дать результаты.

Два известные ранее приказа Орлова относятся один — к самому началу, другой — к концу пребывания его на посту командира 16-й дивизии¹; вновь найденные приказы относятся к середине этого периода. Это позволяет сделать вывод, что на всем протяжении командования Орлова пропаганда суворовско-кутузовских принципов воспитания солдат велась им систематически.

Замечательная попытка борьбы с аракеевским режимом в армии принадлежала члену Кишиневской управы Союза Благоденствия.

Кишиневская ячейка Тайного общества оформилась с приездом М. Ф. Орлова — нового командира расквартированной в Бессарабии 16-й дивизии. В эту ячейку входили, кроме Орлова, один из его бригадных командиров генерал П. С. Пуштин, командир полка полковник А. Г. Непенин, офицеры В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, И. М. Юмин, возможно, и некоторые другие лица.

Дом Орлова стал политическим клубом, в котором горячо обсуждались общественные события и велись споры о планах ближайших действий. Особое место в беседах декабристов, несомненно, занимал вопрос об уважении и доверии солдат.

Орлов, уже давно добивавшийся должности дивизионного командира, едва приняв 16-ю дивизию, издал известный приказ от 3 августа 1820 г., категорически запрещавший офицерам истязать и грабить солдат. Орлов распорядился читать этот приказ в каждой роте. Кроме того, он обещал дать в следующих приказах «правила для поведения» офицеров. Отмена телесных наказаний для солдат была необычайно смелым в тогдашних условиях нововведением, которое особо отметил в письме к П. А. Вяземскому Пушкин, частый гость Орлова в те годы².

Декабристы подняли на новую ступень суворовско-кутузовские традиции и методы воинского воспитания. Это определило взгляды декабристов на военное обучение, на обращение с солдатами, заботы об их здоровье, питании, грамотности, защиту их чести и достоинства. Декабристы не только искореняли рукоприкладство и казнокрадство — доверие солдат к себе они укрепляли братским к ним отношением. Орлов недаром заявлял в первом же своем приказе: «Я сам почитаю себе честного солдата и другом и братом». Он, так же как и Раевский, не гнушался близости с рядовыми вне строя.

П. И. Долгоруков записал в дневнике о совершенно необычайном для армии аракеевского времени происшествии: 1 января 1822 г. командир 16-й дивизии давал

в Кишиневе новогодний завтрак, на который наравне с офицерами были приглашены лучшие солдаты дивизии³.

Пробуждая у солдат патриотические чувства, ревность и охоту к воинскому делу, офицеры-декабристы стремились сплотить вокруг себя солдатские массы, подготовить их к активному участию в предстоящем государственном перевороте. Многие сделали в этом направлении Раевский, солдаты которого отказались давать на суде показания, могущие повредить их командиру. Любви и доверия солдат добился, при поддержке Раевского, Непенина и других офицеров, и Орлов. Секретный агент доносил: «Нижние чины говорят: дивизионный командир — наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют орловщиной»⁴.

Это подтверждается и рассказом подполковника Ф. П. Радченко, согласно которому Орлов «весьма в короткое время приобрел неограниченную доверенность солдат»⁵.

Без сомнения, близости с нижними чинами члены Тайного общества добились личным хорошим к ним отношением, но многое было утверждено в сознании солдат и самими приказами, имевшими окраску протеста против аракчеевских порядков в армии.

В развитие распоряжений дивизионного командира издавали свои приказы в новом духе также командир 32-го егерского полка А. Г. Непенин и командир 9-й роты этого полка В. Ф. Раевский.

Действие этих приказов было весьма ощутимо для 16-й дивизии — побег прекратился совершенно, в то время как в 17-й дивизии они продолжались.

Агитация офицеров-декабристов не могла остаться безрезультатной. Среди солдат, жадно прислушивавшихся к словам любимых командиров, крепло сознание необходимости борьбы с деспотизмом и тиранией. Известно, что в январе 1821 г. на Московском съезде Союза Благоденствия Орлов мог уже поручиться за свою дивизию.

О пробуждении стихийного протеста солдат против произвола и палочного режима свидетельствовали и волнения в Камчатском полку в декабре 1821 г.

События в Камчатском полку, как и последний известный нам приказ Орлова, привлекавший к суровой ответственности офицеров, истязавших солдат, послужили коррумпированному командиру Сабанееву предлогом для вмешательства. «Дело» Раевского, арестованного в феврале 1822 г. за революционную пропаганду, помогло окончательно сломить подозрительную командование 2-й Армии «систему» Орлова.

Когда Сабанеев начал следствие против Орлова, он тотчас отменил его приказы и, по словам Раевского, даже приказал их сжечь. Сабанеев специально допытывался, с какой целью они доводились до сведения солдат. Обвиненный Сабанеевым в ослаблении дисциплины, в покровительстве «первому вольнодумцу в армии» Раевскому, в панибратстве с подчиненными, Орлов в 1822 г. был отстранен от командования дивизией и вплоть до своего ареста в 1825 г. состоял в резерве. За ним, безусловно, наблюдали, ибо Александр I самолично отметил его как одного из наиболее зараженных духом вольномыслия генералов. Вслед за отставкой Орлова были уволены со службы Непенин, Охотников, Липранди. Кишиневская управа перестала существовать.

Новонайденные два приказа Орлова публикуются по копиям (не вполне исправным) ЦГВИАЛ⁶.

1

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

18 октября 1820 г. № 27

С несказанным удовольствием видел я из собранных сведений по прошедшему м<еся>цу, что число побегов чрезвычайно уменьшилось. Со всей дивизии бежало в сентябре только 16 человек, тогда когда в августе бежало 37, а в июле — 49. Столь важный успех приписываю я попечительности гг. полковых командиров, которых я от всего сердца благодарю, особливо г. полковника Соловкина и г. подполковника Адамова 2<-го>, у коих ни одного человека не бежало в течение прошедшего месяца. Я не премину представить их начальству, которое, конечно, за долг себе поставит изъявить также им свою благодарность⁷.

Теперь мы можем судить из одного, к чему ведет доброе обхождение с подчиненными⁸. Едва начали управлять частями, нам вверенными, с отеческою попечительностью, как большая часть побегов уже прекратилась. Еще шаг, и наша дивизия, порицаемая сперва пред всеми прочими, послужит вскоре для них примером верности и устройства. Я прошу господ полковых командиров и всех частных начальников вспомнить, что солдаты такие же люди, как и мы, что они могут чувствовать и думать, иметь добродетели, им свойственные, и что можно их подвигнуть ко всему великому и славному без палок и побоев⁹. Пускай виновные будут преданы справедливому взысканию закона, но те, кои воздерживаются от пороков,

М. Ф. ОРЛОВ

Рисунок А. С. Пушкина, 1821 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

заслуживают все наше уважение. Им честь и слава. Они достойные сыны России, на них опирается вся надежда отечества, и с ними нет врага, которого не можно бы было истребить.

Говорите, господа начальники, часто с солдатами, входите в их нужды, не пренебрегайте участью ваших товарищей, вспоминайте им о славных делах россиян, доведите их до того, чтоб они умели почитать память великих наших мужей Суворова, Румянцева, Кутузова и прочих полководцев, возжигайте в сердцах их желание славы, и вы сами увидите, как скоро ваше старанье вознаградится совершенным успехом¹⁰. Чтoб каждый солдат надевал с гордостью почтенный русский мундир, что(б) он с уверенением владел своим ружьем и чтоб на каждом шагу его видна бы была гордая поступь русского солдата — первого по мужеству и терпению из всех солдат вселенной.

Приказ сей прочитатъ во всех ротах, подлинный подписал генерал-майор

Орлов 1-й

2

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

29 марта 1821 г. № 26

Дивизионная квартира. Кишинев

1-е

При получении рекрут в полки, гг. полковые командиры, обратить особое внимание на приказ г. корпусного командира от 25 генваря 1817-го года за № 16-м, который в копии прилагается, надеясь, что они, входя

в смысл предписаний начальства, постараются приохотить рекрут солдатскому ремеслу хорошим обхождением и точным исполнением правил, предписанных в вышеупомянутом приказе. Ежели хорошее обращение с самими солдатами есть одно из непременных моих правил, то кольми паче нужно с людьми неопытными, которые, оставя семейства их и спокойную жизнь поселян, переходят в новый и строгий круг солдатского действия. Прошу неотступно гг. штаб и обер-офицеров не спешить ставить рекрут на ногу совершенно фронтую и более стараться на первых порах образовать их нравственность, чем телодвижение и стойку. Мы будем иметь целую зиму для доведения их по фронту должного вида, а теперь можно заняться единственно тем, чтоб они не только старались, но и любили военное ремесло. Рекрут, образованный терпением, делается хорошим солдатом, а тот, который выправлен одними побоями, легко может прийти в отчаяние и старается уклониться бегством от лишней строгости начальства. Не забывайте, господа, что мы стоим на границе и что прекратившиеся беготы могут легко возобновиться.

<2-е>

По истечении Святой недели при начатии снова фронтowych упражнений, господа начальники, обратить особенное внимание на стреляние в цель¹¹. Для сего предписываю г. поручику 32-го Егерского полка Витту, ездившему в корпусную квартиру для учения некоторых правил, учредить в учебном дивизионном батальоне мишень и стрельбу, по правилам ему данным, и всем господам офицерам учебного батальона вникнуть в оные правила и при распущении батальона передать оные своим полковым командирам.

Господин майор Логвинов особенно займется, чтоб гг. офицеры поняли сию часть во всей точности и могли бы так же оную передать в полки.

Подлинный подписал генерал-майор

О р л о в 1-й

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказы М. Ф. Орлова от 3 августа 1820 г. и 6 января 1822 г. см. в кн.: М. О. Гершензон. История молодой России. М.—Пг., 1923, стр. 37—40; «Декабристы», 1926, стр. 60—63; «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». Сост. Вл. Орлов. М.—Л., 1951, стр. 467—469.

² Письмо от 2 января 1822 г.— П у ш к и н, т. XIII, стр. 35.

³ П. И. Долгоруков. 35-ый год моей жизни или два дни вёдра на 363 неастья.— «Звенья», IX, 1951, стр. 22.

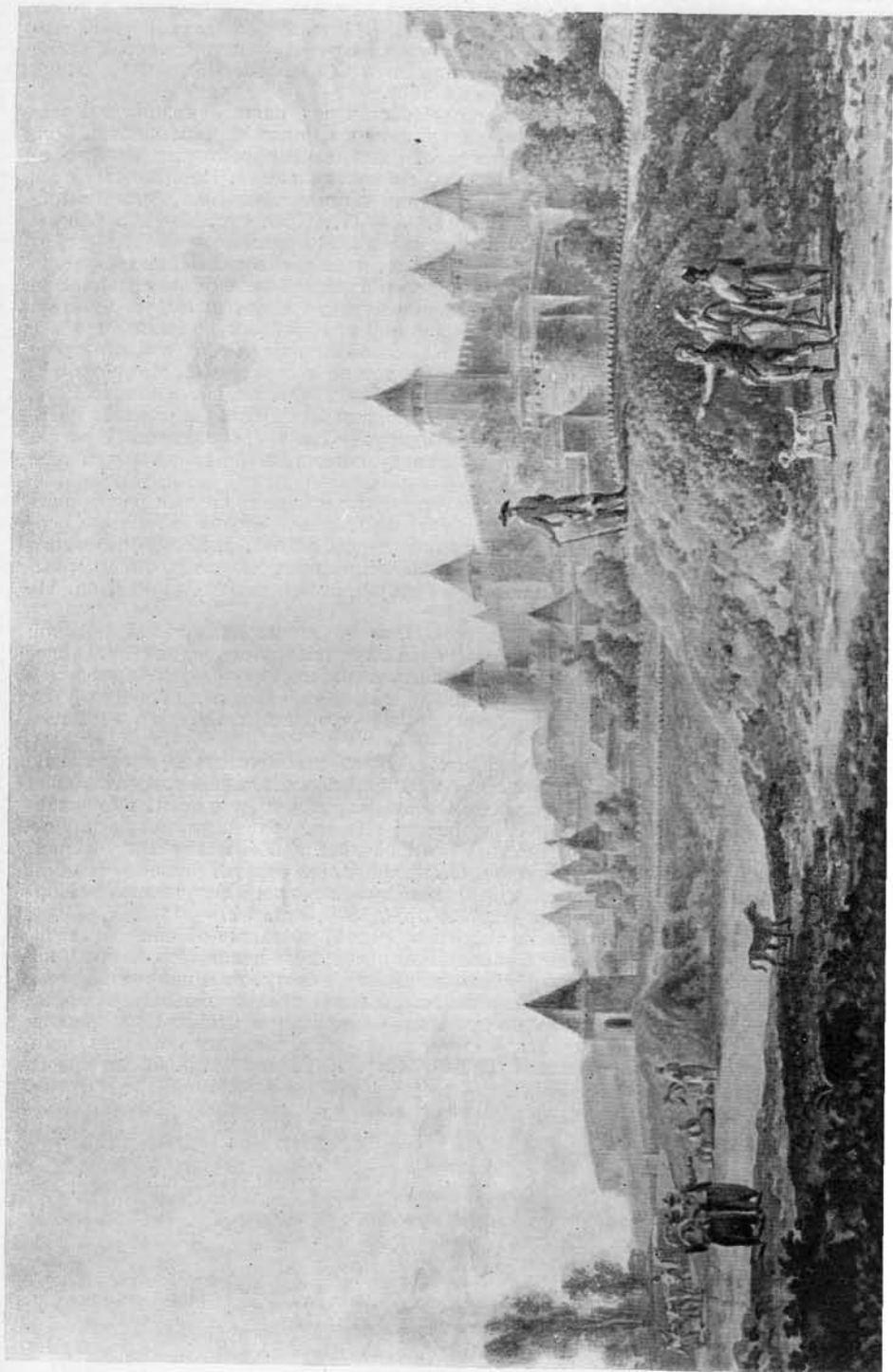
⁴ «Русская старина», 1883, № 12, стр. 657.

⁵ Архив Академии наук СССР, ф. № 100, д. 201, бумаги Н. Ф. Дубровина (воспоминания о Раевском Ф. П. Радченко), л. 3.

⁶ Приказы М. Ф. Орлова (в копиях) обнаружены в «деле» В. Ф. Раевского.— ЦГВИАЛ, ф. № 9, Главного военно-судного управления, 2-е отд. Аудиториацкого департамента, оп. 11, д. 42, литера Б, т. VI, лл. 387—387 об. и 389 (приказ от 18 октября 1820 г.), л. 388—388 об. (приказ от 29 марта 1821 г.).

⁷ Причины дезертирства Орлов справедливо видел в жестоких побоях и истязаниях солдат, а также в полугодном их существовании из-за казнокрадства. О том, до какого размера доходило дезертирство, красноречиво свидетельствуют цифры, приводимые Сабаневым. С 1816 по 1821 г. из его корпуса выбыло умершими 3600 и столько же бежавшими («Сборник Русского исторического общества», т. 73. СПб., 1890, стр. 578). Жесточайшее наказание не могли прекратить бегства; некоторые пытались бежать в 4, 5, 6-й и даже в 9-й раз!

⁸ В приказе от 9 декабря 1820 г. по 32-му Егерскому полку (№ 177) А. Г. Непенин требовал, чтобы все командиры «сколь наивозможно пекились о сбережении нижних чинов» (ЦГВИАЛ, ф. № 535, Полевого аудиториаата 2-й Армии, оп. 1, д. 324, л. 455). В приказе по роты В. Ф. Раевский провозглашал своей обязанностью постоянно заботиться, чтобы «солдаты были довольны и молодыи, словом, как должно быть солдатам русским» (там же, ф. № 9, оп. 11, д. 42, литера В, т. X, л. 7).

⁹ Палки и рукоприкладство были заурядным явлением в царской армии. Недаром так распространена была во 2-й Армии, в которую входила 16-я дивизия, поэма «Жизнь солдатская», известная еще с начала века. «Я отечеству защита, а спина моя избита, я отечеству ограда, в тычках, палках—вся награда»,— говорит герой песни заслуженный русский солдат (Архив Академии наук СССР, ф. № 100, оп. 1, д. 296, л. 1; ср. «Лит. наследство», т. 9-10, 1933, стр. 143).

А. В. Поджио вспоминал с негодованием: «Побой и род палок входили в неотъемлемое право каждого какого бы ни было начальника и в каком он чине ни был. Солдат был собственной принадлежностью каждого. Били его и ефрейтор, и унтер-офицер, и фельдфебель, и прапорщик, и так далее до военачальника. Не было ему суда и всякая приносимая жалоба вменялась ему в вину и он наказывался, как бунтовщик» (А. В. Поджио. Записки декабриста. М.—Л., 1930, стр. 23—24). Примечательно совпадение свидетельств Поджио с теми признаниями, которые исходят от начальника Орлова — командира 6-го корпуса генерала Сабанеева. Сабанеев, заслуженный боевой генерал, был всегда бесконечно далек от какой-либо оппозиционности, однако и он, скрепя сердце, терпел аракчеевские порядки и пруссаческую муштру, насаждавшиеся в войсках. Сабанеев писал: «В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей, и как сказал некто: в русской службе убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два, три года забил человека, тот не в ответе» (Н. Морозов. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений. Вильна, 1909, стр. 100). Подчиненный Сабанееву командир 17-й дивизии Желтухин, по словам Раевского, однажды приказал батальонному командиру: «Сдери с солдат кожу от затылка до пяток, а офицеров переверни кверху ногами, не бойся ничего, я тебя поддержу».

Во исполнение приказов Орлова телесные наказания отменили своими распоряжениями также Раевский и Непенин. Непенин требовал, чтобы «побой палками и особенно кулаком по лицу совершенно были истреблены» (ЦГВИАЛ, ф. № 535, Полевого аудиторията 2-й Армии, оп. 1, д. 324, л. 455), а Раевский приучал своих солдат к выполнению приказаний «не с под палок, а по долгу и с охотой» (там же, ф. № 9, оп. 11, д. 42, литера В, т. X, л. 7).

¹⁰ В воспитании патриотических чувств солдат на примерах русской военной истории первую роль, разумеется, играли единомышленники Орлова в дивизии. О своих беседах с юнкерами Раевский писал: «Взошел я на кафедру (перед 9 егерской ротой) и <...>загремел о подвигах предков наших, о наших собственных подвигах и будущих наших подвигах, о Румянцеве при Кагуле, о Кутузове при Бородине» («Красный архив», 1925, № 6, стр. 300).

¹¹ Войска готовились в начале двадцатых годов исключительно для парадов и смотров. Обучение стрельбе было забыто, все время поглощала нелепая, мучительная для солдат муштра. Характерны признания Сабанеева, ничего, впрочем, не сделавшего для облегчения участи солдат своего корпуса: «Не могу равнодушно видеть уныние и изнурение войск русских, измученных бесконечным и беспрестанным учением, примеркой и переделкой аммуниции и проч. <...> Ученье день и ночь, даже со свечами. Солдаты не имеют ни минуты отдохновения. От того побег, от того смертность» («Сборник Русского исторического общества», т. 73. СПб., 1890, стр. 577—578).

Офицеры-декабристы заботились не только о боевой, но также об общеобразовательной подготовке солдат. В дивизии Орлова была развернута целая сеть школ, в которых всякий рядовой не только мог обучиться грамоте и счету, но и получить первоначальные сведения из истории и географии. С первых же дней пребывания молодых рекрут в 16-й дивизии революционно настроенные офицеры приступали к их начальному обучению. Раевский предписывал в своей роте «всем молодым солдатам заниматься изучением грамоты прилежно» (ЦГВИАЛ, ф. № 9, оп. 11, д. 42, литера В, т. X, л. 6 об.).